

ММ БИБЛИОГРАФИЯ 2003 2 2003 ПР

СЛАВЯНО-РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА
И МАРКЕТИНГ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
"ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКА"

ВОСПОМИНАНИЯ ВЫПУСКНИЦЫ ЛГБИ

Осенью 1947 г. я была принята на 2-й курс Ленинградского государственного библиотечного института. В этом году проучилась на романском отделении филфака ЛГУ и буквально «ежала оттуда» — так начался интересный плодотворный творческий путь одного из выдающихся историков эпиграфикособираательства в России, известного ученого в области культуры и библиографии академика Моисеевны РАВИЧ.

Атмосфера в университете была удушающей: начиналась «охота на ведьм», в которой это учебное заведение приняло активнейшее участие. Была организована постыдная травля, жертвой которой стали лучшие из лучших — Борис Михайлович Эйхенбаум (преданный «любимым» учеником, добравшимся до его дневников), Григорий Александрович Гуковский (арестованный и умерший в заключении) и другие ученые.

Ректором университета был в те годы Александров (брат которого занимал должность председателя Госплана СССР), имевший прозвище «персона брата». Это был грубый солдафон, и порядки он вводил соответственные. Впоследствии его, беднягу, расстреляли за компанию с братом. Воистину «своя своих не познаша» — уж они ли не были верными сторожевыми псами сталинского режима? Впрочем, «корифей всех наук» любил время от времени отстреливать своих опричников.

Я попала в университет после работы во фронтовом госпитале. На войне было страшно, но была воля, была атмосфера братства. Мне, тогда отчаянной девчонке, было особенно тяжело в университетской душегубке, и я стала думать, куда бы податься. Совершенно случайно узнала о существовании библиотечного института и решила отправиться туда.

Демократические порядки ЛГБИ поразили с первого дня. Тут можно было запросто войти к декану и изложить свое дело. На филфаке это было немыслимо: его декан С. Д. Балухатый держался олимпийцем, совершенно недоступным для простых смертных.

Войдя в прекрасный дворцовый вестибюль (а тогда он был куда наряднее, чем впоследствии: его украшали две великолепные статуи), поднявшись на второй этаж, свернула наугад, увидела табличку «Деканат» и, постучавшись, вошла. Я полагала, что попаду в «предбанник», к секретарше, но оказалось, что там, в скромной комнате, сидел сам декан Николай Степанович Лебедев (девочка-секретарша помещалась тут же за маленьким столиком), красивый седовласый человек, приветливо спросивший, кто я и какое дело привело меня к нему. Узнав, что я университетка и взглянув на мою зачетку со сплошными пятерками, он сказал, что охотно примет меня на второй курс факультета библиографии, но что мне нужно будет досдать два предмета, которые не читались на романском отделении — фольклор и древнерусскую литературу. Получив направление к Э. С. Литвиной, я тут же отправилась на кафедру литературы и нахально за-

явила, что пришла держать экзамен сразу по двум этим предметам. Времени для подготовки у меня все равно не было: шли последние дни августа, и я понадеялась на матушку-судьбу, до тех пор меня выручавшую, ведь я вышла живой и невредимой из сущего ада. С древнерусской литературой все обошлось: я знала наизусть большие куски из "Слова о полку Игореве", с чувством их продекларировала и тем пленила сердце Эсфири Соломоновны. С фольклором было хуже. Я имела о нем весьма туманное представление: что-то слышала о Васье Буслаеве, о набивших оскомину "Трех богатырях", да еще могла исполнить дивную песню о том, как одни сеяли просо, а другие его злорадно вытаптывали. Но, из уважения к моим заслугам как знатока и поклонника "Слова", мне была выставлена по фольклору четверка — единственная за все время обучения в библиотечном институте.

Преподавательский состав ЛГБИ блистал в те годы плеядой замечательных людей. Первое место среди них занимал Михаил Николаевич Куфаев — эрудит, выдающийся мастер слова, как печатного, так и устного, независимый, всегда идущий своей дорогой ученый. Похожий на римского патриция, он медленно входил в аудиторию, опираясь на трость с набалдашником из слоновой кости, садился (читал он всегда сидя и говорил негромко), и мы, все 120 человек, замирали, боясь пропустить хоть слово из его блестящей лекции. Тяжело больной, потерявший на фронте единственного сына, он уже "не боялся никого, кроме Бога одного" и говорил нам вещи, в те годы совершенно неслыханные. Его обожали все, и не только вчерашние ленинградские школьники, но и "камчатка", где сидели те, кого нынче называют нелепым словом "участники". Я сидела между Мотей Хейфецом и Юрой Ивковым**, и мы в три руки записывали каждое слово Михаила Николаевича. Как жаль, что в грустных перипетиях моей жизни эти записи затерялись. К сожалению, этот праздник общения длился всего полгода. В феврале 1948 г. М. Н. Куфаев скончался. Боже, как мы рыдали, стоя у гроба. Незабвенный Михаил Николаевич... Я и теперь, уже сама будучи у порога вечности, помню его голос, интонации, отдельные фразы...

Преподаватели других профилирующих дисциплин, хоть и не "дотягивали" до уровня Куфаева, тоже были вполне на высоте. Скучный, но необходимый предмет — библиографическое источниковедение читал Александр Петрович Кулаков по написанному им же учебнику. Он тоже был очень болен и вскоре умер. Отраслевые библиографии были представлены весьма неординарными людьми. Так, библиографию естествознания (вместе с технической и сельскохозяйственной) читала красавица Михалина Петровна Бронштейн (сестра выдающегося невинно убиенного физика) — женщина умная и язвительно остроумная: мы ее уважали и побаива-

* Это был первый послевоенный набор. Иногородних среди нас, по-моему, вообще не было.

** Оба они поступили впоследствии в аспирантуру, но диссертации не защитили.

лись. Библиографию общественно-политической у Б. литературы вел Сергей Иванович Копылов, а вел себя мевший сделать этот нудный предмет живым и даже увлекательным. С удивлением долгие годы отметить, что курс истории библиографии (когда он еру я затем избрала своей специальностью) оставил никаких воспоминаний. Помню только, что

что ее читала почтенная пожилая дама по фамилии Ильина, лицо, как говорится, без особых примет. А библиотечное вообще проспала. В те годы в ЛГБИ уделялось большое внимание общеобразовательным дисциплинам — гражданской истории и истории литературы — от античной до современной. Кто вел на нашем факультете курс античной литературы, я не знаю. Я прослушала ее еще в университете на первом курсе. Историю русской литературы читали настоящие знатоки: XVIII столетия — Соломон Абрамович Рейсер, XIX — Борис Яковлевич Бухштаб, тогдашний исследователь, ученый мирового уровня. За рубежомную литературу прекрасно преподавал молодой фронтовик Борис Леонидович Раскин. И общую историю читал Доберер (к сожалению, не помню имени и отчества) — смешной, рассеянный, но невероятно красноречивый человек. Любили его слушать. Он исчез во времена охоты "безродных космополитов". Даже жуткий курс истории ВКП(б) с бесконечными съездами и конференциями, повестки дня которых надо было заучивать, как "Отче наш...", нам вполне пристало и даже небезынтересно прочел Николай Петрович Скрыпнев, впоследствии ректор ЛГБИ.

В мои студенческие годы институтом руководил Петр Ерофеевич Никитин — весьма интересный мужчина с прекрасными манерами и внимательным взглядом, помнивший фамилии всех отличников. Люди, близко его знавшие, отзывались о нем, как о человеке безукоризненной порядочности. Безусловно, тем, что библиотечный институт был неким оазисом "среди злого", он обязан П. Е. Никитину, который сделал все возможное, чтобы удержать на ценные кадры. Ведь многим грозило увольнение во время наступавшего нового "крестового похода" против интеллигенции, и это он не дал окончательно "разгромить" библиотечный институт.

Мы перешли на третий курс под аккомпанемент прозвучавшего в августе 1948 г. постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград", в котором бимый всеми Зощенко был назван подонком, а им нее известная нам в те годы Ахматова — помещаю монахины и блудницы. Как раз в это время должны были слушать курс русской литературы начала XX в. (небольшой) и советской (обширный). И вот, "в свете" этого постановления и увенчанного его людоедского доклада тов. Жданова "для укрепления идеологических позиций" в ЛГБИ была декретирована преподававшая до того в Педагогическом институте имени А. Герцена некая Шишмарева комсомолка 1920-х гг. С первых же ее фраз на "камчатка" наострила уши: стало ясно — предстоит цирк. Укоризненно качая головой, она вещала: "Блок запаса справочками, нажал на знакомый и ни за что не хотел идти на фронт", и далее: "Женщина"

стенной у Блока жил обломок прошлого, и этот обломок вел себя, как барометр". О Брюсове — "начал он от вождя символизма и кончил он членом коммунистической партии". О поэме "Двенадцать" Блока — "Убил он ее, а сам идет и скучает", "он говорит, что она падала — это замечательные слова...". Естественно, что мы все это записывали. У меня до сих пор сохранился блокнот с "шишмаризмами". Меня как самую боевую ребята подговорили задавать ей вопросы. С невинным видом я спрашиваю: "Не можете ли вы поподробнее разъяснить нам, в чем именно заключалась вина Зощенко и Ахматовой, а то мы еще не прослушали весь ваш курс и плохо ориентируемся в этом важном вопросе". И она, очень довольная таким вниманием, поясняет: "Зощенко написал о приключениях обезьяны — нет чтобы выбрать какого-нибудь советского человека, а обезьяна, как вы знаете, представитель мира животных. Ахматова же написала враждебные нам стихотворения...". Тут весь поток стал притесить ее ознакомить нас с ними, так как мы их не читали. И эта экс-комсомолка с упоением стала читать стихи Ахматовой, а мы — лихорадочно их записывать. Затем мы сверили записи, и у нас получилась целая тетрадка стихотворений Анны Андреевны. Вот так эта Шишмарева нас "подковала". Воистину — заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет. Что она там молчала про советскую литературу, я не помню. Да и что за советская литература была в те годы без Булгакова, Платонова, без полузапретных Ильфа и Петрова, Бабея, того же Зощенко, Пастернака, Мандельштама, без обэриутов и "серапионовых братьев", даже без уцелевшего Каверина и раннего Федина?!

Эта ужасная Шишмарева была единственным темным пятном на фоне блестящего преподавательского состава ЛГБИ того времени. Но уже вскоре начались перемены: "охота на ведьм" коснулась своим черным крылом и нашего института. Были уволены "космополиты", сиречь евреи — М. П. Бронштейн, профессор Доберер, политэконом Зобин, с кафедры литературы были изгнаны С. А. Рейсер и Б. Я. Бухштаб, но наш умный ректор, не желая терять столь ценные кадры, спрятал их под крыло кафедры библиографии, не столь заметной для всевидящего глаза и всеслышащих ушей. С. А. Рейсер стал читать историю библиографии, а Б. Я. Бухштаб — библиографию художественной литературы, в которой он и ранее был большим специалистом. Впоследствии, после смерти "отца всех народов" этих ученых вновь пригласили на кафедру литературы. Соломон Абрамович тут же согласился, а высокопринципиальный Борис Яковлевич Бухштаб отказался и остался навсегда членом кафедры библиографии. В 1950—1970-х гг. я имела счастье работать рядом с ним.

Но вот окончена учеба. Вся наша "камчатка" получила "красные" дипломы. Мне и Моте Хейфецу нечего было и мечтать об аспирантуре. Была середина 1950 г., царил свирепый государственный антисемитизм. Аспирантами стали Юра Ивков и Инна Кузалева (ни он, ни она так и не написали диссертаций), а мы с Мотей оказались в Пскове. Хейфец, как мужчина, кавалер ордена Славы и член партии, по-

лучил ответственную должность заместителя директора областной библиотеки, я же стала заведовать библиотекой историко-художественного музея. Собственно, библиотеки еще не было — только обширный полуподвал, на полу которого громоздились кучи книг. Три года город Псков был под фашистской оккупацией. За это время с помощью специальных бригад немецких интеллектуалов он был ограблен дочиста. Одних только ценных изданий было вывезено более 40 тысяч экземпляров. Сначала из областной библиотеки, затем из музейного собрания, которое по счастливой случайности все же уцелело (правда, не полностью): вагон, куда были погружены музейные книги, застрял в Риге, и когда туда вошли наши войска, был возвращен обратно, но все было свалено как попало. Вот из этого мне и надо было создать библиотеку. А сокровища там были необыкновенные: древние списки, рукописные и старопечатные книги, редкие издания XVIII в. и пушкинского времени (в том числе рукописное "Горе от ума" из усадьбы Яхонтовых), не говоря уже о других книгах. К счастью, у меня был замечательный консультант — Леонид Алексеевич Творогов, бывший узник Беломорканала, "комиссованный" как безнадежно больной, а затем получивший "километр" и выбравший Псков. Он работал в музее в должности научного сотрудника, к нему как к выдающемуся палеографу постоянно приезжали ученые из Москвы и Ленинграда, и он читал им те старинные тексты, которые они сами прочесть не могли. Вот он и помог как-то разобраться с попавшими мне в руки древностями. Месяцев через 6—8 все это приобрело вид библиотеки, было записано в инвентарные книги, составлен алфавитный каталог и т. п. Читателей было немного: музейщики, преподаватели педагогического института, ленинградские аспиранты. Я же была "прислугой за все" — и заведующей, и единственным сотрудником, и уборщицей. Так и проработала три года. За это время произошло великое событие — умер "корифей всех наук". Было прекращено позорное "дело врачей", "лица еврейской национальности" были допущены в вузы (правда, далеко не во все). Повезло, казалось, новым воздухом, я — идеалистка — решила, что теперь-то уж меня примут в аспирантуру. Документы действительно приняли, к экзаменам допустили, и я, окрыленная надеждой, уволилась из своего подвала, библиотеку передала Творогову (который заведовал ею до самой своей смерти) и умчалась в Ленинград. Первые два экзамена сдала на "отлично", а на истории партии срезалась: меня совершенно откровенно "засыпали" и поставили "тройку". Дело в том, что вместе со мной поступало еще одно "лицо еврейской национальности", причем мужеска пола, и, естественно, предпочтение было отдано ему. Двух же евреев не утвердила бы Москва. И я вернулась в Псков, но место мое в музее было уже занято. Пошла наниматься в областную библиотеку.

После войны она переживала второе рождение. Псков как "боевой форпост Русской земли" был включен в список городов, подлежащих первоочередному восстановлению. Ограбленная оккупантами дочиста, областная библиотека щедро пополнялась дарами: многие крупные книгохра-

нилища делились с ней дублетами (особенно значительной была помощь публичной библиотеки), исправно поступал обязательный экземпляр, были и частные дары. К началу 1950-х гг. это уже было превосходно укомплектованное собрание. Можно было разворачивать полноценную библиографическую работу. Вот меня и взяли библиографом — сначала рядовым, а затем поручили заведовать справочно-библиографическим отделом, объединенным с методическим.

В то время не было разделения библиографов по отраслевому принципу: каждый должен был быть универсалом. Под моим началом работало семь человек: трое внизу, где располагался абонемент и читальный зал (они дежурили у каталогов, выдавали справки, вели краеведческий каталог и всевозможные картотеки), четверо наверху, на антресолях бывшего губернаторского дома, в котором размещалась библиотека. Вот мы-то, "верхние", и занимались основной библиографической и методической работой. В Псковской области имелось десятка полтора (если не больше, я уж и не помню) районных библиотек и неисчислимое количество сельских. Я должна была объезжать районные (частенько на попутках, на телегах, пешком через леса) и обучать сотрудников справочно-библиографической работе, а они, в свою очередь, несли свет знания в сельские очаги культуры. В общем, все горело и исходило энтузиазмом.

Чем только мы не занимались, о чем не писали, чего не пропагандировали! Псковская область была в основном сельскохозяйственной. Естественно, наши разработки посвящались преимущественно этой тематике. Мы выпускали для тружеников села методико-библиографические пособия по вопросам посевной кампании, по выращиванию неизбежной в те годы кукурузы, по ремонту сельхозтехники (которой никто из нас близко не видел), даже по раннему весеннему опоросу! Я как глава отдела составила два указателя в помощь механизатору, выпущенные затем местным издательством. Методика создания этих бессмертных трудов была "проста, как мычание": я спускалась в книгохранилище, брала с полки книжонки соответствующей тематики, раскладывала на письменном столе в определенном порядке, аннотировала, писала предисловие, заимствованное из какого-нибудь из этих опусов, — и дело готово. Самое смешное — эти халтурные поделки считались образцовыми и снижали Псковской областной библиотеке всесоюзную известность.

Но что там опорос! Мы занимались и вовсе безумными темами. Вдруг в какой-то "фаршированной голове" из Министерства культуры (а может быть, и выше) родилась идея праздновать юбилей Аристофана! И вся страна как один человек должна была отдать дань восхищения этому древнегреческому комедиографу. Что уж говорить о нас, бедных. Сотрудники мои пришли в отчаяние, никто не брался за эту тему. Пришлось писать мне самой, благо я получила в свое время хорошее домашнее образование: два языка, музыка, раннее знакомство с мировой классикой. "Лизистрату" Аристофана я прочла лет в 13—14, но, конечно, не поняла мало-

пристойных намеков, на которых строился ее сюжет: в те годы девочки моего возраста были нежны, как агнцы. Пошла в книгохранилище и, к радости, нашла Аристофана, выпущенного в 1910-х гг. издательством "Academia", точно такого как был у нас дома до войны. Там была и прекрасная вступительная статья, которую, переведя на язык родных осин, можно было использовать в методписма. Но ведь полагался еще раздел "читать об Аристофане". А что о нем можно прочитать, кроме этой же статьи? Только замечания в энциклопедии Брокгауза — Ефрона и Большой Советской. Естественно, ни в одной районной библиотеке таких изданий не было, так что все это было откровенной туфтой. Можно было утешаться делом, что сотрудники районных библиотек хоть как-то узнают о древнегреческой комедии. По этому поводу были сочинены куплеты, которые мы распевали на мотив "Интернационала", когда начальство подслушивало под дверью.

Не успел отгреметь этот юбилей, как на нас descended новая напасть: солнечное затмение. Месяц идеологическое начальство опасалось, что панические пейзажи так перепугаются, что перестанут есть кукурузу, и библиотеке было дано указание разъяснить населению с помощью библиографической сути этого явления природы, а заодно и побороть с религиозными пережитками. Это уж было абсолютно противно, что надо было найти какой-то приличный выход. И я придумала — плакат! Думалось это так: на бумаге размером в разворот газетного листа как можно живописнее распорядились ложками популярных брошюр на тему "Есть ли жуки на Марсе", а внизу — список книг (тех же самочки. Ни методических указаний, ни аннотаций не требовалось. Кроме того, это уже была не столь постыдная липа: все эти книжонки имелись в любой районной библиотеке, а плакат, в отличие от указателя, его правило, отпугивающего неподготовленного читателя, можно было просто повесить на стену, и ему никто не смотрит. Директриса библиотеки Гржибовская этот раз осталась довольна, выделила финансовый канал пошла проталкивать свой "гениальный проект" в местное издательство называлось так же, как и в Пскове — "Псковская правда". Я пошла в редакцию, где у меня была прочная дружба: газета публиковала мои "подвалы" о новинках зарубежной литературы. Редактор литературного отдела Александров их очень ценил, да и местная интеллигенция тоже. Правда, здесь не обошлось без приключений. Товарищ Гржибовская не могла вынести ее всепсковской славы и явилась в редакцию с требованием прекратить публикацию моих статей. ей вежливо объяснили, что это не ее дело. пишу я в нерабочее время и они впредь будут публиковать мои опусы, но мне по-дружески посоветовали взять псевдоним, правда, такой, чтобы было ясно, что за ним скрывалась именно я. И все дальнейшие мои публикации в "Псковской правде" (вполне достойной газете) были подписаны "Л. Моисеевич". К слову говоря, первая статья под псевдонимом была посвящена разбору книги английского писателя Вивьена Огилви "Невидимки за работой", написанной в духе Оруэлла и непостижимым образом

пущенной нашей цензурой. Впрочем, цензуру еще Пушкин называл "старой дурой". Какой-то хитрец книгу перевел, понимая, что ее при желании можно было пустить по ведомству "разоблачение нравов буржуазной прессы". Но я отвлеклась...

Итак, я пришла к красавцу Ване, показала ему мой эскиз, и он сам пошел со мной в типографию и договорился о том, что это будет отпечатано в трех колерах: синем, красном и голубом. Называлось все это "Вселенная вокруг нас". Сразу же посыпались благодарственные письма из районных библиотек, для них это было большим облегчением: не надо было навязывать скучные библиографические указатели, а можно было просто развесить эти произведения во всех сельских очагах культуры, отчитаться о проделанной работе и угодить бдительному оку начальников.

С этого времени я почти полностью переключилась на плакаты. Самый удачный — "Долой политику пороховых бочек!", на котором были воспроизведены потрясающие офорты Пророкова* и тексты Маяковского. Выполненный в зловещей черно-красной гамме, он был очень красив и сразу же завоевал популярность: его можно было встретить в клубках, книжных магазинах, в школах, не говоря уже о библиотеках. Пришло время, когда из идеологического отдела обкома партии было "спущено" указание издать плакат о кукурузе (естественно, все предшествующие плакаты визировались обкомом, так что там были в курсе наших дел). Деваться было некуда. Пришлось сочинять и это.

Люди старшего поколения хорошо помнят это кукурузобесие. Наш Никита Сергеевич (которому, впрочем, надо было поставить золотой памятник за то, что он выпустил из неволи тысячи и тысячи людей) увидел "кукурузный пояс Америки", пленился им и возжелал иметь то же в СССР. У нас и до этого сажали кукурузу в южных черноземных краях: на Украине, в Молдавии, на Кубани, но это ему показалось мало. Была дана директива: сеять эту культуру везде. Местное лакействующее начальство стало внедрять ее, невзирая на природные условия, чуть ли не до Северного полюса!

В Псковской области под кукурузу были отведены лучшие земли — те, на которых испокон века рос лен — богатство края. Здесь это южное растение достигало 50—70 см, и его просто косили как траву, каковая шла на силос. Ни о каких початках, из которых в Америке производятся десятки продуктов питания и которыми у нас на юге частенько спасались от голода в засушливые годы, не могло быть и речи. Плакат "Кукуруза — ценная кормовая культура", под которым стоит моя подпись, выглядел так: сверху помещалась большая (30 x 40 см) фотография кукурузы, явно выращенной на юге. Она возвышалась над головами двух женщин и была полна роскошных початков. Далее шел список рекомендуемой литературы — все в мрачных зеленых тонах (в один колер). Только в насмешку можно было развесить это произведение в области, где кукуруза

* Иные из них, в особенности тот, где скелет в плаще ехал верхом на вороном коне, смотрелись как иллюстрации к Апокалипсису.

не превышала ростом комнатный вазон. Я несколько побаивалась, что кто-нибудь заметит. Но обошлось.

В 1954—1955 гг. Псковская библиотека заняла одно из лидирующих мест среди областных соперниц на библиографическом поприще, и когда в Калининском было создано совещание по вопросам рекомендательной библиографии естественнонаучной, сельскохозяйственной и технической литературы, я получила персональное приглашение на этот симпозиум. Там я имела возможность познакомиться с коллегами из других библиотек и их изданиями и убедилась, что далеко не одинока в своем отношении к нашим "трудам и дням". Большой удачей было присутствие на этом совещании заведующего кафедрой библиографии ЛГБИ Ивана Андреевича Мохова, который познакомился с нашими изданиями и услышал похвалы в мой адрес. Вскоре он приехал в Псков, прошел прямо ко мне в библиотеку и сказал, что мне нужно поступать в аспирантуру и что на этот раз все пройдет благополучно. Поколебавшись (еще были живы в памяти уроки двухлетней давности), я все же решила подавать документы, тем более что эта так называемая рекомендательная библиография (после того как я поварились в ее кухне) встала уже поперек горла. Я даже подумывала отказаться от заведования и перейти на абонемент, чтобы просто выдавать читателям книги. Аспирантура же, конечно, была лучшим выходом. Среди документов, которые следовало представить, должна была фигурировать и характеристика с места работы. И вот тут товарищ Гржибовская решила посчитаться со мной за все мои грехи. Она выдала бумагу, в которой было сказано, что Областная библиотека не находит возможности рекомендовать меня в аспирантуру библиотечного института, т. к. мои интересы лежат в области литературоведения, а не библиографии. Конечно, в институте на эту бумажку не обратили бы ни малейшего внимания, но ведь документы посылались на утверждение в Москву и поэтому надо было получить другую характеристику. К счастью, примерно за полгода до этого заведующие отделами библиотеки проходили ператестацию и характеристики "на них" (как тогда говорилось) передавались в обком партии. А уж в том документе я расхваливалась на все лады, как отмеченная дипломом Министерства культуры и т. п. Завотделом по идеологии Медведева (личность совершенно анекдотическая, но незлая) знала меня как автора плакатов, которые ей очень нравились. Изложив всю эту историю, я положила перед ней характеристику библиотечного начальства, подписанную "тройкой" — директором, парткомом и месткомом. Она отреагировала на это сочинение тремя заветными русскими словами и велела своему секретарю выдать мне копию хранящейся у нее характеристики.

И вот осенью 1955 г., с легкостью сдав вступительные экзамены, я поступила в аспирантуру Ленинградского государственного библиотечного института, а через три года начались приключения с моей "оттепельной" диссертацией, которую пытались зарубить за либерализм.

Но это уже совсем другая история...